



Александр Восьмой

**Алый прилив:
Кровь и лепестки**

Александр Восьмой

Алый прилив: Кровь и лепестки

«Автор»

2026

Восьмой А.

Алый прилив: Кровь и лепестки / А. Восьмой — «Автор», 2026

Алый прилив: Кровь и лепестки. Город, стоящий на границе моря и гор, каждую весну накрывает Алый прилив — вода становится багровой, а на берегу расцветают кровавые цветы. Говорят, это слёзы древнего бога, но главная героиня, дочь смотрителя маяка, находит в воде осколки воспоминаний. Она узнаёт, что прилив — это не проклятие, а призыв, и если его проигнорировать, город исчезнет навсегда.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Алый прилив: Кровь и лепестки

Глава 1. «Багровый рассвет у края мира»

Город ещё спал, укутанный в тонкую вуаль предрассветного тумана. Ни ветерка, ни крика чаек — только тяжёлая, звенящая тишина, будто сам воздух затаил дыхание. На границе моря и гор, там, где скалы сжимали берег в каменном кулаке, горизонт наливался странным, неестественным светом. Он не был похож на обычный рассвет: не золотой, не розовый, а густой, багровый, будто небо пролило каплю своей собственной крови.

Алый прилив пришёл.

Мия стояла на кромке берега, босыми ногами чувствуя, как холодный песок пробирается между пальцев. Она не могла объяснить, почему проснулась задолго до рассвета, почему ноги сами привели её сюда, к самой границе воды и суши. Но что-то внутри тянуло её вперёд, как невидимая нить, туго натянутая между сердцем и морем.

Вода уже не была прозрачной. Она стала густой, тягучей, словно расплавленный рубин. Волны лениво накатывали на берег, оставляя после себя не пену, а тонкие алые разводы, похожие на следы от свежих царапин. И среди мокрых камней, в свете первых лучей, что-то слабо мерцало.

Мия наклонилась, не думая о том, что может пораниться. Пальцы сомкнулись вокруг осколка — не обычного стекла, а чего-то иного: прозрачного, но будто живого. Он пульсировал в её ладони, ровно, настойчиво, как второе сердце. И в тот же миг тишину разорвал шёпот.

Он не звучал снаружи. Он звучал внутри.

«...не смотри... не трогай... он зовёт...»

Фрагменты чужих слов всплывали в сознании, как пузыри со дна глубокого озера. Мия вздрогнула, сжала осколок крепче, и перед глазами вспыхнули обрывки образов: незнакомое лицо, искажённое страхом; рука, тянущаяся к воде; крик, который так и не вырвался наружу. Это были не её воспоминания. Это были чьи-то чужие жизни, застывшие в этом осколке, как насекомые в янтаре.

Она резко отдернула руку, но шёпот не исчез — он стал громче, настойчивее, будто море решило заговорить с ней напрямую. Слова сплетались в бессвязные фразы, но сквозь хаос проступала одна мысль, тяжёлая и холодная, как камень на дне: *«Он зовёт. Он ждёт. Если никто не ответит — город исчезнет»*.

Над головой тревожно мигнул маяк. Луч света скользнул по воде, окрасив её в ещё более глубокий оттенок красного, и снова погас. Потом вспыхнул снова — длинная вспышка, короткая, ещё одна короткая. Сигнал. Или предупреждение.

Мия подняла голову. На вершине башни, в маленьком окошке, мелькнула тень. Отец. Он тоже не спал. Он знал, что сегодня особенный день. Каждый год, когда приходил Алый прилив, он становился молчаливее, смотрел на море так, будто пытался прочесть в волнах чью-то давно забытую историю. И теперь Мия поняла: он что-то знал. Что-то, о чём никогда не говорил.

Она сжала осколок в кулаке, чувствуя, как его пульс отдаётся в венах, и сделала шаг вперёд, туда, где вода обнимала берег, а кровавые цветы, распустившиеся среди камней, смотрели на неё, как сотни маленьких глаз.

В этот момент город перестал быть просто местом, где она жила. Он стал тайной, которую нужно было разгадать, пока не стало слишком поздно. И Мия знала: если она сейчас повернёт назад, если закроет уши и забудет то, что слышала, город действительно исчезнет. Не сразу, не с грохотом и треском, а тихо, незаметно — как стирается имя с выцветшей таблички, как растворяется воспоминание в утреннем тумане.

Маяк снова мигнул. Длинная вспышка. Короткая. Короткая.

Это был не просто сигнал кораблям. Это был голос города, обращённый к ней одной.
И Мия ответила ему шёпотом, едва слышным на фоне рокота волн:
— Я слышу тебя. Я не уйду.

Глава 2. «Песок, хранящий чужие голоса»

Солнце поднялось выше, но не согрело город — оно лишь выбелило скалы, сделав их похожими на старые кости, торчащие из земли. Воздух был плотным, будто пропитанным солью и чем-то ещё, горьким и тяжёлым, как предчувствие. Алый прилив не отступил: вода по-прежнему отливала багрянцем, а на берегу, среди камней и обломков коряг, распускались кровавые цветы — их лепестки казались вырезанными из тончайшего алого шёлка, но пахли железом.

Мия вернулась на берег, туда, где вчера нашла первый осколок. Она не могла объяснить даже самой себе, зачем пришла снова. Страх шептал: «Брось это, забудь, спрячь», но внутри, где-то под рёбрами, билась другая мысль — острая, настойчивая: *«Если я не найду остальные, город исчезнет»*. И этот страх был сильнее.

Песок под ногами был странным: не мелким и сыпучим, а зернистым, почти стеклянным, будто впитал в себя цвет воды. Мия наклонилась, провела ладонью по поверхности, и песок отозвался — не шорохом, а тихим, едва уловимым шёпотом. Словно в каждой песчинке хранилось чьё-то слово, чьё-то имя, давно забытое, но не стёртое до конца.

Она начала искать. Не торопясь, осторожно, будто боялась спугнуть что-то хрупкое. Пальцы скользили по камням, по влажным водорослям, по осколкам раковин. И вот — снова мерцание. Ещё один осколок, чуть крупнее первого, полупрозрачный, с тонкими прожилками, похожими на застывшие молнии.

Как только Мия коснулась его, мир вокруг дрогнул.

Перед глазами вспыхнул чужой образ: девочка в потрёпанном платье, стоящая на этом же берегу, но в другое время — в эпоху, когда город выглядел иначе: дома были ниже, улицы уже, а маяк ещё не горел. Девочка плакала, прижимая к груди что-то маленькое, похожее на медальон. *«Не уходи»*, — прошептали её губы, и звук этого шёпота ворвался в сознание Мии, как крик сквозь толщу воды.

Затем — другой фрагмент: мужской голос, низкий, надломленный: *«Я останусь. Я буду ждать»*. И снова — обрывок лица, взгляд, полный отчаяния. Осколок пульсировал в её руке, выдавая чужие эмоции, как собственное сердцебиение.

Мия отдернула руку, но образы не исчезли сразу — они таяли медленно, оставляя после себя привкус горечи и чувство чужой потери, тяжёлое, как мокрый плащ.

— Ты не должна трогать их просто так.

Голос прозвучал неожиданно, заставив её вздрогнуть. Мия резко обернулась.

На границе песка и камней, там, где начиналась тропа, ведущая к окраине города, стоял юноша. Высокий, худощавый, в тёмной накидке, капюшон которой наполовину скрывал лицо. Его глаза были странно светлыми — почти серебристыми, будто в них отражался рассвет, который ещё не наступил.

— Осколки не просто хранят воспоминания, — продолжил он, не двигаясь с места. — Они берут плату. Каждый раз, когда ты видишь чужую жизнь, часть твоей собственной стирается. Ты можешь забыть что-то важное. Или кого-то.

Мия сжала пальцы, пряча осколок в складках платья.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Юноша чуть склонил голову, будто прислушиваясь не к её словам, а к чему-то за её спиной — к морю, к ветру, к самому воздуху.

— Потому что я уже видел, как это происходит. Город теряет людей не только снаружи. Он стирает их изнутри. Сначала исчезают детали: любимый цвет, запах дома, голос матери. Потом — сами люди. И никто не замечает, пока не становится слишком поздно.

Он сделал шаг вперёд, но не приблизился — остановился на расстоянии вытянутой руки, словно боялся нарушить невидимую границу.

— Тебя зовут Мия, верно? Дочь смотрителя маяка. Твой отец знает о Призыве. Но он молчит, потому что боится, что ты не выдержишь правды.

Мия почувствовала, как холодеет кожа.

— Кто ты такой? — спросила она уже тише, почти шёпотом.

— Меня зовут Кай. Я тот, кто собирает забытые истории, чтобы они не исчезли совсем. И я знаю: Алый прилив — это не проклятие. Это голос древнего бога, который плачет по всему, что было утрачено. Он зовёт тех, кто способен услышать. Но если никто не ответит, город растворится в этом плаче, станет просто эхом на ветру.

Ветер вдруг усилился, взметнув песок и лепестки кровавых цветов. Они закружились в воздухе, как маленькие алые вихри, и на мгновение Мие показалось, что в этом движении проступают чьи-то лица — мимолётные, прозрачные, словно сотканные из света и тени.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила Мия, чувствуя, как внутри поднимается смесь страха и решимости.

Кай чуть улыбнулся — не весело, а так, будто эта улыбка была ему непривычна.

— Потому что ты уже услышала Призыв. И теперь у тебя нет пути назад. Но ты не должна идти одна. Сбирать осколки вслепую — значит терять себя. Если хочешь спасти город, тебе нужно не просто видеть чужие воспоминания. Тебе нужно понять, почему они были забыты.

Мия посмотрела на осколок в своей руке. Он больше не пульсировал так сильно, но внутри него всё ещё мерцал слабый свет — как далёкая звезда в тёмной комнате.

— А если я не смогу? — спросила она тихо.

— Тогда город исчезнет. Но я верю, что сможешь. Потому что те, кто слышит голоса песка, редко остаются глухими к чужой боли.

Он протянул руку — не за осколком, а просто как жест, приглашающий не к прикосновению, а к союзу.

— Пойдём. Я покажу тебе место, где осколки говорят громче всего. Но помни: каждый ответ забирает что-то у тебя. И однажды придётся решить, сколько своей памяти ты готова отдать за чужие истории.

Мия глубоко вдохнула, ощущая, как солёный воздух обжигает горло, и кивнула. Она спрятала осколок ближе к сердцу, словно он мог защитить её от того, что предстояло.

Они пошли вдоль берега, туда, где скалы смыкались, образуя узкий проход, ведущий к старой гавани, давно заброшенной. Волны бились о камни, и каждый их удар звучал как чужое имя, произнесённое шёпотом. Песок под ногами продолжал шептать, и теперь Мия слушала не отдельные слова, а сам ритм этого шёпота — как будто город пытался рассказать ей свою историю, пока ещё было кому услышать.

Глава 3. «Тени на стенах маяка»

Ночь опустилась на город, как тяжёлое бархатное покрывало, пропитанное солью и холодом. Море шептало что-то неразборчивое, и этот шёпот проникал сквозь стены, пробирался в щели, оседал на коже липким предчувствием. Алый прилив не отступал — даже в темноте вода мерцала тусклым багровым светом, будто под её поверхностью тлело что-то древнее, не желавшее угасать.

Мия сидела в маленькой комнате смотрителя — тесной, заставленной старыми книгами, картами и жестяными коробками, набитыми пожелтевшими бумагами. Здесь пахло воском,

пылью и старым деревом. На столе тускло горела керосиновая лампа, её пламя вздрагивало, как живое, от каждого порыва ветра, долетавшего с моря.

Перед Мией лежала потрёпанная тетрадь — дневник её отца. Страницы были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком, местами чернила расплылись от сырости, будто сами слова пытались сбежать. Она листала страницу за страницей, пока не наткнулась на запись, обведённую дрожащей линией:

«Кровавые цветы не проклинают землю — они отмечают места, где граница между мирами истончается. Каждый лепесток — это слеза того, кто когда-то стоял на этом берегу и не смог уйти. Алый прилив — не наказание. Это зов. И маяк... маяк — не просто свет для кораблей. Он — якорь. Он держит город здесь, не даёт ему соскользнуть в пустоту».

Мия провела пальцем по строкам, будто пытаясь почувствовать в них тепло отцовского голоса. Но вместо тепла её коснулся холод — такой, какой бывает, когда понимаешь, что всё, во что ты верил, было лишь половиной правды.

Она подняла глаза и посмотрела на стену, где висела старая карта побережья. В свете лампы казалось, что линии на ней шевелятся, будто кто-то невидимый водил по ним пальцем, стирая и заново рисуя границы. Тени от лампы тянулись по стенам, вытягивались, становились длиннее, чем должны были быть. И вдруг одна из них — тонкая, изогнутая, похожая на вытянутую руку — дрогнула и сдвинулась, хотя лампа стояла неподвижно.

Мия замерла.

Тишина в башне была не обычной. Она была плотной, густой, как застывший сироп, в котором тонули все привычные звуки: скрип половиц, шорох ветра, даже отдалённый рокот волн. И в этой тишине начали рождаться новые звуки.

Шаги.

Они звучали в коридоре наверху — чёткие, размеренные, будто кто-то ходил по кругу, меряя шагами пространство, которого не должно было быть. Но наверху никого не могло быть: Мия знала каждый уголок башни, и сегодня она была здесь одна. Отец ушёл в город ещё днём, чтобы поговорить со старейшинами, и до сих пор не вернулся.

Она встала, стараясь не шуметь, и подошла к двери. Приложила ухо к дереву — и услышала не только шаги, но и что-то ещё: тихий, едва уловимый гул, похожий на низкий голос, произносящий слова на незнакомом языке. Слова, которые не складывались в предложения, но от которых по спине бежали мурашки.

Маяк дрогнул.

Не сильно — всего лишь лёгкий толчок, будто земля под ним вздохнула. Лампа мигнула, и на мгновение тени на стенах стали чёрными, глубокими, как провалы в иной мир. Когда свет вернулся, тени уже не были просто теньями. В их изгибах угадывались силуэты: фигуры в длинных плащах, лица, искажённые страданием, руки, тянущиеся вперёд. Они двигались, шептались, исчезали и появлялись снова, словно маяк проигрывал чьи-то забытые воспоминания, как старую плёнку.

Мия отступила на шаг, прижимая дневник к груди, будто он мог защитить её от того, что происходило вокруг. Но в глубине души она уже знала: защита не поможет. Потому что враг был не снаружи. Он был внутри самой башни, в её камнях, в её свете, в каждой песчинке, впитавшей соль и слёзы.

Она поднялась по винтовой лестнице, ступени которой скрипели под её ногами, словно предупреждая: «Не ходи туда. Не смотри». Но Мия не могла остановиться. Она должна была увидеть.

Наверху, в фонарной комнате, свет маяка вёл себя странно. Луч не скользил по морю ровным потоком — он дёргался, метался, будто пытался вырваться из стекла, как пойманная птица. Он окрашивал стены то в алый, то в чёрный, то в болезненно-белый, и каждый цвет обнажал новые тени. Они сплетались в узоры, складывались в символы, которых Мия никогда

не видела, но которые почему-то казались ей знакомыми — будто она знала их когда-то давно, в другой жизни.

В центре комнаты стоял старый механизм — массивное устройство из бронзы и стекла, с шестерёнками, покрытыми патиной времени. Отец всегда запрещал к нему прикасаться, говорил, что это сердце маяка, и если его тронуть, свет погаснет. Сейчас механизм гудел, тихо, но настойчиво, как будто готовился к чему-то важному.

Мия подошла ближе. На бронзовой пластине были выгравированы слова, потемневшие от времени:

«Свет держит мир. Пока он горит — мы существуем».

И вдруг она поняла. Маяк был не просто ориентиром. Он был якорем, удерживающим город между мирами. А Алый прилив — это трещина, через которую реальность начинала расплзаться. Кровавые цветы отмечали места, где ткань мира истончалась. Осколки воспоминаний были не просто артефактами — они были заплатками, попытками залатать эти прорехи.

И если никто не ответит на зов, если никто не произнесёт забытые имена, не вернёт потерянные истории, маяк погаснет. И город исчезнет, растворится в пустоте, как сон, который никто не успел запомнить.

Луч снова дёрнулся, и на стене вспыхнул силуэт — высокий, сторбленный, с лицом, скрытым в тени. Он поднял руку и указал куда-то в сторону моря, туда, где над водой поднимался лёгкий туман, окрашенный в цвет крови.

Мия попятилась, но не успела сделать и шага — дверь внизу хлопнула, будто её захлопнул порыв ветра. Или кто-то, кто не хотел, чтобы она ушла.

— Мия?

Голос отца прозвучал неожиданно, но вместо облегчения принёс новый страх. Она спустилась вниз и увидела его стоящим у подножия лестницы. Его лицо было бледным, глаза — усталыми, а в руках он держал связку сухих кровавых цветов, лепестки которых уже начали осыпаться.

— Ты не должна была искать эти записи, — тихо сказал он, глядя на тетрадь в её руках. — Я хотел уберечь тебя от этого.

— Но ты знал, — прошептала Мия, не в силах скрыть дрожь в голосе. — Знал, что маяк — это не просто маяк. Что город держится на нитях из света и памяти.

Отец опустил глаза, и в этот момент луч наверху снова дёрнулся, окрасив его лицо в алый. На мгновение он показался Мие не её отцом, а кем-то другим — стариком, который слишком долго хранил чужую тайну.

— Да, — сказал он наконец. — Я знал. И я пытался сделать так, чтобы тебе никогда не пришлось выбирать. Но, видимо, выбора уже нет.

Он протянул ей цветы.

— Возьми. Они помогут тебе увидеть то, что скрыто. Но помни: каждый лепесток — это чья-то потерянная жизнь. И если ты используешь их, часть тебя тоже исчезнет.

Мия взяла цветы, чувствуя, как их хрупкие лепестки царапают кожу. Они были холодными, как лёд, и пахли не морем, а чем-то древним — горечью и солью, смешанными с тишиной.

За окном море вздыхало, и его шёпот становился громче. Тени на стенах снова зашевелились, сплетаясь в новые узоры. Маяк гудел, как живое существо, готовое к последнему бою.

Мия посмотрела на отца, потом на лестницу, ведущую вверх, к свету, который уже не был просто светом.

— Я не позволю городу исчезнуть, — сказала она твёрдо, и её голос прозвучал громче, чем шёпот моря, громче, чем шаги в пустых коридорах. — Даже если мне придётся забыть себя, чтобы его спасти.

Отец кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость — и на бесконечную печаль.

Луч маяка снова метнулся по волнам, на мгновение осветив далёкий силуэт на берегу — фигуру юноши в тёмной накидке. Кай. Он стоял неподвижно, глядя на башню, будто знал, что сейчас решается судьба города.

И Мия поняла: она больше не одна. Но цена, которую придётся заплатить, будет выше, чем она могла себе представить.

Глава 4. «Город, который забывает себя»

Утро пришло, но не принесло ясности. Небо было серым, будто кто-то смыл с него все краски, оставив только тусклую пепельную вуаль. Алый прилив не отступал — он просто стал тише, глубже, как будто спрятался под поверхностью воды, чтобы наблюдать. Море побледнело до оттенка запёкшейся крови, а кровавые цветы на берегу склоняли тяжёлые головки, словно устали держать свои лепестки.

Мия шла по улицам города, и с каждым шагом её охватывало странное чувство: будто она идёт по месту, которое когда-то знала наизусть, но теперь оно стало чужим. Дома стояли на своих местах, но выглядели иначе — не как дома, а как силуэты, вырезанные из бумаги. Их очертания были чуть размытыми, будто нарисованными дрожащей рукой.

На углу, где раньше висела вывеска «Булочная старого Хиро», теперь была только голая доска, потемневшая от дождей. Мия остановилась, вглядываясь в пустое место. Ещё вчера вывеска была здесь — она помнила скрип петель, помнила запах свежей выпечки, который всегда тянулся из приоткрытой двери. Но теперь никто не помнил, что здесь вообще что-то было. Проходившая мимо женщина скользнула взглядом по пустому углу и пошла дальше, будто так и должно быть.

— Вы не помните булочную? — спросила Мия, догоняя её.

Женщина обернулась, слегка нахмурившись, будто Мия сказала что-то странное.

— Какую булочную? Здесь никогда ничего не было. Просто угол.

И в её голосе не было ни лжи, ни насмешки — только искреннее непонимание. Как будто память о булочной исчезла не только из мира, но и из самой ткани реальности.

Мия сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна ужаса. Это было не просто забывание. Это было стирание. Город терял детали, и люди вместе с ними теряли способность помнить.

Она свернула на узкую улочку, где жили её друзья. На двери дома, где жила Юна, всегда была медная табличка с её именем. Теперь табличка исчезла. Мия постучала, и дверь открыла женщина, которую она не знала.

— Простите, вы не подскажете, где живёт Юна? — спросила Мия.

Женщина посмотрела на неё с лёгким недоумением.

— Здесь нет никакой Юны. Я живу здесь одна уже много лет.

Мия отступила, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Юна не просто переехала. Юну... забыли.

Она побежала дальше, мимо домов, мимо людей, чьи лица становились всё более размытыми. На площади старик продавал ракушки, и Мия вспомнила, что он всегда называл их «шёпотом моря». Но когда она подошла ближе, он даже не поднял глаз, будто её здесь не было.

— Я помню вас, — сказала она, почти крича. — Вы продаёте ракушки! Вы говорили, что в них слышно море!

Старик поднял голову, посмотрел на неё пустым взглядом и пожал плечами.

— Ракушки? Да, продаю. Но никто не говорит про шёпот. Просто ракушки. Красивые.

Он отвернулся, и Мия поняла: он забыл не только слова. Он забыл смысл того, что делал.

Она выбежала к берегу, туда, где волны лениво лизали песок, оставляя после себя алые разводы. Ветер трепал её волосы, и в этом шуме ей чудился чей-то голос, шепчущий: *«Не забывай. Не позволяй забыть»*.

— Мия.

Она обернулась. На границе песка и камней стоял Кай. Его тёмная накидка развевалась на ветру, а серебристые глаза казались ярче обычного, будто в них отражалось что-то, чего не видели другие.

— Ты видишь это, да? — спросил он, не подходя ближе. — Город стирает себя. Сначала детали, потом людей. Те, кто игнорирует Алый прилив, первыми исчезают из памяти. Они не умирают — их просто перестают помнить. И когда никто не помнит, они исчезают окончательно.

Мия кивнула, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но не позволяя им пролиться.

— Я должна что-то сделать, — прошептала она. — Пока я ещё помню. Пока меня ещё помнят.

Кай подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки, словно боялся спугнуть её решимость.

— Есть способ замедлить это, — сказал он. — Нужно вернуть городу его память. Не просто вспомнить, а заставить других вспомнить. Осколки помогают, но их недостаточно. Нужно найти источник — то место, где стирание начинается. Я знаю легенду: древний бог плачет не просто так. Его слёзы — это плата за то, что мир забыл его имя. И пока его имя не произнесено, город будет исчезать.

Мия посмотрела на море, на багровые волны, на кровавые цветы, склонившиеся к воде, будто молящиеся.

— Где это место? — спросила она.

Кай указал в сторону гор, туда, где скалы смыкались, образуя узкое ущелье, ведущее к древнему храму, о котором ходили только слухи.

— Там. Говорят, храм стоит на границе миров. Именно оттуда приходит Алый прилив. Если мы найдём имя бога и произнесём его вслух, возможно, мы сможем остановить стирание. Но это опасно. Храм не любит тех, кто приходит с пустыми руками. Он требует плату — часть твоей памяти. Ты готова отдать что-то важное, чтобы спасти город?

Мия закрыла глаза, вспоминая лица тех, кого уже начали забывать: Юну, старика с ракушками, отца, который смотрел на неё с такой печалью, будто знал, что скоро она тоже станет для него незнакомкой.

— Да, — сказала она твёрдо, открывая глаза. — Я готова. Даже если мне придётся забыть что-то дорогое. Я не позволю городу исчезнуть.

Кай кивнул, и в его взгляде мелькнуло уважение.

— Тогда идём. Время работает против нас. Каждый миг, когда город забывает себя, делает его всё более хрупким.

Они пошли вдоль берега, туда, где скалы сжимались, словно гигантские руки, готовые схватить любого, кто осмелится пройти между ними. Волны бились о камни, и каждый их удар звучал как чужое имя, стёртое из памяти. Песок под ногами шептал что-то неразборчивое, будто пытался предупредить, но Мия не слушала. Она знала: если она остановится, если позволит страху взять верх, город исчезнет, и никто даже не вспомнит, что он когда-то существовал.

Когда они подошли к ущелью, воздух стал гуще, тяжелее, будто пропитанный солью и горечью. На камнях, обрамлявших вход, были вырезаны странные символы — древние, почти стёртые временем. Мия коснулась одного из них, и её пальцы ощутили лёгкое покалывание, будто камень был живым.

— Это врата, — тихо сказал Кай. — Они открываются только для тех, кто готов заплатить цену.

Мия глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие.

— Я готова, — повторила она, глядя прямо в тёмную пасть ущелья.

Кай шагнул вперёд, и его тень вытянулась, сливаясь с тенями скал, будто становясь частью этого места. Мия последовала за ним, чувствуя, как с каждым шагом город за её спиной становится всё более далёким, всё более призрачным.

Где-то далеко, на вершине маяка, луч света метнулся по волнам, на мгновение окрасив их в алый. Это был последний привет от города, который ещё помнил её имя.

И Мия знала: она должна вернуться. Должна найти имя древнего бога и произнести его вслух, пока ещё было кому услышать. Потому что если она этого не сделает, город исчезнет, и даже маяк станет просто тенью на берегу, которую никто не вспомнит.

Глава 5. «Путь сквозь багровый туман»

Ущелье лежало между горами, будто рассечённый шрам на теле земли: узкие стены смыкались высоко над головами, не пропуская ни солнца, ни обычного ветра — только сырой, тяжёлый воздух, пропитанный солью и чем-то древним, горьким, как пепел на языке. Река, стекавшая с гор, здесь становилась багровой задолго до того, как её воды сливались с морем, и туман, поднимавшийся от поверхности, был не белым и лёгким, а густым, тягучим, похожим на застывшие слёзы.

Мия шла впереди, сжимая в кармане осколок стекла, который теперь почти не пульсировал — будто его голос растворился в этом месте, став частью общего шёпота. Рядом, чуть позади, ступал Кай. Он не торопил её, не тянул вперёд, но Мия чувствовала его насторожённое присутствие — как щит, который не защитит от всего, но хотя бы не даст упасть в первый миг слабости.

Туман сгущался с каждым шагом. Он обволакивал, проникал под кожу, заставлял слышать то, чего не было: обрывки фраз на языках, которых Мия никогда не знала, но которые почему-то понимала. Слова сплетались в шёпот, похожий на молитву и проклятие одновременно: *«Помни... не забывай... мы были здесь...»*

— Не останавливайся, — тихо сказал Кай, когда Мия замерла, прислушиваясь к этому шёпоту. — Если замрёшь, туман начнёт задавать вопросы. А отвечать ему — значит отдавать частицу себя.

Она кивнула, не доверяя голосу, и сделала ещё один шаг. И в тот же миг мир дрогнул.

Перед глазами вспыхнула другая картина: тот же самый проход, но не пустой и заброшенный, а полный жизни. По тропе шли люди в длинных одеждах, их лица были спокойны, но в глазах застыла решимость. На камнях вдоль реки горели факелы, и их пламя было не жёлтым, а алым, будто само горело кровью. Вдалеке, там, где сейчас была только серая стена скалы, возвышался храм — не развалина, а величественное строение из тёмного камня и прозрачного стекла, похожего на застывшие волны.

Мия моргнула — и видение исчезло. Но не до конца. Краем глаза она всё ещё замечала отголоски прошлого: тень человека, застывшего у воды; мерцание факела, которого не могло быть; едва слышный звон колокольчика, который никто не трогал.

— Время здесь не линейно, — объяснил Кай, будто читая её смятение. — Оно течёт кругами. Прошлые дни накладываются на нынешние, как слои краски. Если смотреть внимательно, можно увидеть, как город менялся. И как он исчезал раньше — и возвращался.

Мия сжала кулаки, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

— Значит, это уже случалось? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Кай посмотрел на неё серьёзно, без привычной сдержанности.

— Да. Город исчезал и возвращался столько раз, что никто уже не помнит, какой из этих циклов настоящий. Говорят, что древний бог плачет каждый раз, когда мир забывает о нём.

Его слёзы — это Алый прилив. Они пробуждают память, но если никто не отвечает на зов, город стирается окончательно.

Они подошли к месту, где река впадала в море. Здесь вода бурлила, будто сопротивляясь собственному течению, и туман становился почти непрозрачным. Он клубился, сплетался в фигуры, которые на мгновение напоминали людей, а потом рассыпались, превращаясь в алые вихри.

Мия остановилась у самой кромки воды. Камни под ногами были покрыты странными узорами — не резьбой, а будто отпечатками чьих-то ладоней, давно стёртыми временем. Она наклонилась, коснулась одного из них — и снова перед глазами вспыхнуло видение.

На этот раз она увидела не людей, а сам город — но не тот, который она знала. Дома были выше, улицы шире, а маяк горел не одиноким светом, а целой сетью огней, словно город держал небо на своих плечах. Люди шли по улицам, смеялись, говорили друг с другом, и в их голосах звучало что-то, чего Мия не слышала уже давно, — уверенность, что они здесь навсегда.

Затем видение потемнело. Свет погас. Дома начали рассыпаться, как песочные замки под волнами. Люди исчезали не по одному, а целыми улицами, растворяясь в тумане, пока не остался только одинокий маяк, стоящий на пустом берегу, и голос, тихий и усталый: *«Я помню. Я помню...»*

Мия отдернула руку, тяжело дыша, будто только что вынырнула из воды.

— Это было... — начала она.

— Прошлого города, — закончил Кай. — То, что уже исчезало. И может исчезнуть снова, если мы не найдём способ удержать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.